

*А.В. Чудинов**

О «ГЛОБАЛИЗАЦИИ» В ИСТОРИОГРАФИИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

(Размышления над книгой М.-П. Рей)

Научные итоги 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года историкам, думаю, предстоит подводить еще очень долго, столько в честь него было организовано конференций и выпущено книг. Вместе с тем уже сейчас можно отметить ряд тенденций в развитии этой отрасли исследований, которые хотя и наметились еще в предшествующий период, но проявились со всей очевидностью именно благодаря юбилейному буму, обеспечившему беспрецедентную доньше интенсивность научного общения специалистов по данной теме. Наиболее важной из таких тенденций мне кажется, сколь ни парадоксально это прозвучит, формирование *общемировой* историографии войны 1812 года.

– Позвольте, – может воскликнуть недоверчивый читатель, – а разве гигантский поток исследований об этом событии, появившихся в разных странах мира за предыдущие два столетия, это не историография?!

Конечно, историография, но никак не *общемировая*. При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что поток этот на самом деле состоит из множества ручейков национальных историографий, струившихся практически независимо друг от друга, не только не сливаясь воедино, но и соприкасаясь лишь в минимальной степени.

Возьмем для примера историографии двух главных антагонистов в войне 1812 года – России и Франции. Богатая традиция исследований данной темы российскими историками оставалась до последнего времени практически неизвестна французам и не оказывала заметного влияния на изучение ими тех же сюжетов. Почему? Только ли из-за того, что французские историки не владели русским языком? Вряд ли только поэтому. Было время, когда проблема перевода с русского на французский решалась во Франции достаточно легко. Скажем, на рубеже XIX–XX вв. французские издательства регулярно переводили и охотно публиковали работы представителей «русской школы» историографии Французской революции XVIII в.¹ Тем не

* Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, директор Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока в РГГУ.

¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. «Русская школа» историографии Французской революции XVIII в.: выбор пути // ФЕ 2009. М., 2009.

менее и в тот, столь благоприятный для научного обмена период исследования русских историков о 1812 году во Франции не издавались и в большинстве своем оказались неизвестны французским ученым. А ведь тогда в России по случаю 100-летнего юбилея Отечественной войны вышел целый ряд блестящих исследований и фундаментальных публикаций источников по теме. Очевидно, подобное невнимание к ним со стороны французских историков было связано не столько с трудностями перевода, сколько с отсутствием спроса на него. Предположу, что воспоминания о катастрофе Великой армии и сто лет спустя оставались еще слишком болезненными, чтобы выслушивать рассказ о ней из уст победителей. Разумеется, за два века имели место и другие обстоятельства, мешавшие французским исследователям наладить полноценный диалог с их российскими коллегами. Результат, однако, налицо: до последнего времени французские историки были не слишком хорошо знакомы с российскими исследованиями в данной области и мало использовали российские источники (причиной тому, помимо незнания языка, являлась труднодоступность российских военных архивов), а потому освещали войну 1812 года исключительно «с западной стороны Немана».

В свою очередь, «изоляция» российской историографии войны 1812 года в основе своей определялся теми же причинами – недостаточным знанием иностранных языков и недоступностью (правда, в силу иных обстоятельств) зарубежных архивов для отечественных специалистов. Причем оба этих фактора продолжают в определенной степени действовать – вероятно, уже в силу инерции, – и в наши дни. Недавно мне приходилось отмечать, что и сегодня даже наиболее авторитетные из наших исследователей войны 1812 года все еще порой оказываются не слишком хорошо знакомы с новейшей зарубежной историографией². Да и представление о недоступности зарубежных архивов, некогда реальной, но теперь-то уже сугубо воображаемой, также пока тяготеет над умами российских историков данной темы. Не далее как на «круглом столе» 2011 г. некоторые мои коллеги связывали надежды на дальнейшее расширение базы источников своих исследований прежде всего с перспективой издания за рубежом новых документов³, видимо, уже «по привычке» не беря в расчет то, что теперь есть возможность самостоятельно проводить соответствующие архивные разыскания, не ожидая «милостей» от иностранных публикаторов.

² Чудинов А.В. Геополитические баталии на «плацдарме» 1812 года: о книге В.М. Безотосного // Российская история. 2012. № 6. С. 178–179.

³ См. : Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола» // ФЕ 2011.

Любопытно, что и для богатой наполеоноведческой традиции США во многом характерна такая же ситуация почти абсолютной самодостаточности. Причем если незнание американскими учеными российской историографии еще может быть объяснено все тем же языковым барьером, то бросающаяся в глаза «отчужденность» американской наполеоники от французской имеет, очевидно, какие-то иные, возможно, субъективные причины. Никому же не придет в голову предположить, что американские наполеоноведы не знают французского языка. Тем не менее факт остается фактом: представители этих двух национальных историографических традиций не слишком охотно признают достижения друг друга и не очень любят друг на друга ссылаться. До сих пор помню изумление, которое испытал, приехав в 2009 г. на проходящий ежегодно в США конгресс «Революционная эпоха 1750–1850 гг.», когда обнаружил, что среди 173 участников этого грандиозного международного мероприятия нет ни одного француза, при том, что 18 из 45 секций посвящены наполеоновской тематике⁴.

Поэтому мне кажется столь важным, что сейчас в изучении «русской кампании» Наполеона наметилась тенденция к «глобализации» – к преодолению подобной ограниченности национальных историографий. Почти одновременно в разных странах появился ряд трудов, которые, строго говоря, не вписываются в какую-либо одну национальную историографическую традицию, поскольку воплощают в себе синтез достижений сразу нескольких из них.

Остроумное наблюдение В.Н. Земцова, написавшего в заключении к публикуемым ниже материалам «круглого стола», что главным событием юбилейного года для отечественной историографии стала публикация на русском языке монографии Доминика Ливена⁵, это больше, чем просто *bon mot*. Английский историк, блестяще освоивший достижения российских исследователей войны 1812 года, действительно создал труд, который, с одной стороны, гармонично сочетается с российской историографической традицией и выглядит как ее логическое развитие, но с другой – рамками ее отнюдь не ограничивается. Один из моих коллег в разговоре как-то весьма точно подметил, что Д. Ливен старается писать так, как должен, по его мнению, писать русский историк, но при этом ни на мгновение не забывает о том, что он англичанин. Подобная «вне-находимость» позволяет британскому ученому рассматривать события

⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. Международная конференция «Революционная эпоха 1750–1850 гг.». Саванна (США), 19–21 февраля 2009 г. // Вестник РГНФ. № 3 (56). С. 232–235.

⁵ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1914. М., 2012.

войны 1812 года в довольно необычном ракурсе и открывать на, казалось бы, хорошо известной картине дополнительные нюансы и оттенки, существенно ее обогащающие.

Еще один пример успешной «глобализации» историографии данной темы – работы современных американских историков Эмана Вовси и Александра Микаберидзе. При всей несхожести своих творческих почерков, оба – выходцы с постсоветского пространства, а потому не страдают от того языкового барьера, который не позволяет большинству их коллег познакомиться с российской историографией. Более того, Э. Вовси и А. Микаберидзе не только ее прекрасно знают, но и сформировались как исследователи во многом под ее влиянием. В результате творчество каждого является собою уникальный синтез двух национальных традиций, но не сводится к какой-либо одной из них. Настоящие «граждане мира», они чувствуют себя своими среди коллег по обе стороны Атлантического океана.

В России сегодня тоже есть историки войны 1812 года, которые по своему методологическому оснащению уже явно «переросли» рамки военно-исторического направления, традиционно доминирующего в отечественной историографии данной темы⁶. Не буду пытаться перечислять их всех, чтобы никого не обидеть, нечаянно пропустив, но один пример все же приведу. На мой взгляд, по выбору изучаемых проблем и применяемых методологических подходов труды уже упоминавшегося здесь екатеринбургского профессора Владимира Николаевича Земцова о 1812 годе ничуть не уступают лучшим зарубежным образцам исследований по исторической антропологии войны. Он не только прекрасно знаком с национальными традициями освещения войны 1812 года в других странах, но и сделал их объектом собственного исторического анализа в жанре изучения феноменологии сознания⁷.

И наконец, в преддверии 200-летнего юбилея войны 1812 года ветры «глобализации» повеяли также над Францией. Наглядное тому подтверждение – вышедшая в 2012 г. монография профессора университета Париж I Мари-Пьер Рей «Чудовищная трагедия: новая история русской кампании»⁸, о которой мы и поговорим здесь более подробно.

⁶ Подробнее об этом направлении см.: *Безотосный В.М.* О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография.* IV. Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005.

⁷ См., например: *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.

⁸ *Rey M.-P.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P.: Flammarion, 2012. 391 p. Далее ссылки на страницы этой книги приводятся непосредственно в тексте очерка в круглых скобках.

Слово «новая» вынесено в заглавие книги вполне оправданно: исследование М.-П. Рей по многим параметрам отличается от традиционных описаний «русской кампании» французскими историками. В первую очередь это относится к привлеченному исследовательницей кругу источников. Для нее, блестящего знатока русского языка, автора нескольких книг по новейшей истории России и фундаментальной биографии Александра I⁹, языковой барьер – препятствие столь же незначительное, как Пиренеи для Людовика XIV. А потому по количеству привлеченных российских источников, в том числе архивных из фондов РГАДА и РГВИА, эта работа поистине беспрецедентна для французской историографии войны 1812 года. То же относится и к объему использованной автором русскоязычной научной литературы.

Труд М.-П. Рей отличается несомненной новизной и по избранному предмету изучения. Если в центре внимания ее предшественников находились преимущественно политики и полководцы, дипломатические интриги и действия армий, то ее интересует прежде всего состояние и поведение людей всех званий и чинов в ситуации военного времени, аномальной для самого человеческого бытия. Отсюда повышенное внимание к повседневной стороне жизни – к тому, что люди на войне ели и пили, где и как ночевали, во что одевались, как общались между собой. Есть в монографии достаточно подробный рассказ и о военных действиях, но он скорее составляет фон, на котором разворачивается воистину чудовищная трагедия сотен тысяч людей, отправленных на смерть волей французского императора.

Отношение автора к Наполеону тоже разительно отличает книгу М.-П. Рей от предшествующих работ ее соотечественников по этой теме.

Долгое время во французской историографии доминировала «наполеоновская легенда», согласно которой причиной поражения Великой армии в России стал не столько военный фактор, сколько непредвиденные приходящие обстоятельства – климатические катаклизмы. Основы этой легенды заложил сам Наполеон в своих оценках «русской кампании», а затем ее поддержали и укрепили в мемуарах выжившие на той войне его солдаты и офицеры. В большинстве своем они сохраняли столь прочную веру в гений Наполеона, что готовы были винить в неудаче похода на Россию всё что угодно – холод, снег, варварство русских, плохую работу

⁹ *Rey M.-P.* La tentation du rapprochement: France et URSS à l'heure de la détente (1964–1974). P., 1991; *Idem.* De la Russie à l'Union soviétique: la construction de l'Empire. P., 1994; *Idem.* Le dilemme russe: la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. P., 2002; *Idem.* Alexandre Ier. P., 2009.

интендантов и т.д., но только не сам по себе замысел императора¹⁰. Позднее защитниками «наполеоновской легенды» на протяжении многих десятилетий выступали французские историки.

Сегодня профессиональные исследователи во Франции уже не считают своим долгом во что бы то ни стало отстаивать непогрешимость военного гения императора и предпочитают апологетике критический взгляд на прошлое. Подобную перемену директор Фонда Наполеона Тьерри Ленц афористично выразил в прошлом году на московской конференции «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории» одной фразой: «Наполеон умер!» И действительно, в наши дни наиболее последовательным и активным сторонником «наполеоновской легенды» выступает уже не кто-либо из французских коллег, а ...русский – тоже примета «глобализации»! – историк О.В. Соколов, чьи работы хорошо известны и за рубежом¹¹. Он горячо доказывает, что наполеоновский план вторжения в Россию был в стратегическом отношении безупречен и не удался лишь из-за «бестолковости» неприятеля:

«...Путаница в штабах и отсутствие внятного плана оказались в конечном итоге, как ни странно, на руку царю. Известный русский военный историк и теоретик конца XIX века Леер писал: "...Если на войне трудно разгадать противника толкового, то еще труднее относительно бестолкового". Ведь если бы в русской армии был твердо принят ясный и последовательный план отступления, для подготовки которого проводились бы столь же ясные и последовательные мероприятия, это не могло бы скрыться от Наполеона. Даже при идеальном сохранении секрета всеми посвященными в него офицерами (что практически невозможно вследствие того, что при последовательной подготовке количество посвященных в план неизбежно становится слишком большим), само размещение войск, магазинов, складов показало бы, что армия собирается отступать в глубь страны. Но в русской армии нельзя было проследить никакой последовательной подготовки к отступлению, а ее размещение, безусловно, говорило о том, что русские собираются наступать или в крайнем случае принять сражение сразу на границе.

Исходя из того, что он имеет дело с «противником толковым», действия которого логичны, Наполеон подготовил все, чтобы реализовать,

¹⁰ См., подробнее: Промыслов Н.В. Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012.

¹¹ Sokolov O. L'armée de Napoléon. Saint-Germain-en-Laye, 2003; *Idem*. Austerlitz: Napoléon. L'Europe et La Russie. Saint-Germain-en-Laye, 2006; *Idem*. Le combat de deux empires: la Russie d'Alexandre Ier contre la France de Napoléon, 1805–1812. P., 2012.

как ему казалось, самый выигрышный вариант – постараться сделать так, чтобы русская армия не перешла в наступление, но разгромить ее в генеральном сражении сразу вблизи от границы.

...План Наполеона не был авантюристическим, он исходил из тех реалий, известных французскому императору и его генералам, которые также в то время считали, что никаких особых трудностей его реализация не вызовет»¹².

Иными словами, если верить Олегу Валерьевичу, задумано всё было блестяще, но «бестолковые» русские испортили великолепный план тем, что уклонились от сражения с превосходящими силами неприятеля и предприняли стратегическое отступление вглубь страны. Великая армия последовала за ними и провалилась в Россию, как в «волчью яму».

Однако я не собираюсь здесь полемизировать с глубоко уважаемым мною коллегой, а процитировал его только для того, чтобы сравнить предложенную им новейшую вариацию «наполеоновской легенды» с тем, как оценивает «толковую» подготовку Наполеоном «русской кампании» М.-П. Рей.

В книге французской исследовательницы, как и во многих других работах о войне 1812 года, можно найти развернутое описание численности и мест дислокации частей и соединений противостоявших друг другу армий. Такая информация, конечно, необходима и содержится практически во всех книгах на данную тему, ибо без нее читателю трудно разобраться в последующем развитии событий. Впрочем, отдав должное этой «обязательной программе», автор монографии подробно останавливается на сюжете гораздо более для нее интересном – на анализе материальной готовности войск обеих сторон к предстоявшей кампании, сравнении их снаряжения, снабжения и логистики, то есть исследует те самые факторы, которые определяют качество повседневной жизни человека на войне, а в конечном счете и боеспособность армий.

Не стану пересказывать проведенный автором сравнительный анализ экипировки солдат обеих армий. Для примера приведу лишь то, что говорится о таком весьма важном элементе обмундирования, как обувь. Французский пехотинец носил башмаки из вывернутой наизнанку коровьей кожи, которые делались одинаковыми для обеих ног и не очень плотно облевали ступню в тонком чулке, поскольку имели всего три размера (20–23, 23–27 и более 27 см). Естественно, при продолжительных переходах такая хлябающая обувь создавала определенные сложности.

¹² Соколов О.В. Битва двух империй. 1805–1812. М., 2012. С. 717–719.

К тому же она была совсем не приспособлена для зимних холодов. Русский же пехотинец обувался в подогнанные по ноге кожаные сапоги, под которыми носил плотные чулки, дополнявшиеся при необходимости полотняными или суконными портянками. Естественно, экипировка второго лучше защищала ноги в ненастье и тем более в холода. Аналогичное преимущество, считает французская исследовательница, русские имели и в других аспектах обмундирования, тем более что, рассчитывая быстро завершить кампанию, Наполеон не озаботился снабдить свою армию теплой формой (с. 69–71).

Русская армия обладала также превосходством в организации снабжения войск продовольствием, поскольку, действуя на своей территории, могла использовать ресурсы всей страны. Французские же солдаты имели с собой провианта лишь на 25 дней автономных действий, а затем могли рассчитывать лишь на подвоз его из воинских магазинов, которые еще только предстояло создать на оккупированной территории (с. 70).

Кроме того, отмечает М.-П. Рей, русская армия имела более высокую мобильность, чем французская, отягощенная многочисленными обозами. Только для обслуживания нужд императора было задействовано 600 человек, 52 повозки и 630 лошадей и мулов, которые везли 3 464 бутылки вина и других алкогольных напитков, 155 кг швейцарского сыра «грюйер», 9 больших мешков кофе, 230 л уксуса, 36 кг шоколада, 227 кг сала и 50 кг горчицы. Если учесть, что, подражая своему главнокомандующему, французские маршалы, генералы и офицеры также взяли с собой многочисленные повозки, для транспортировки которых требовались тысячи лошадей, то не приходится удивляться, что это создавало серьезные проблемы для логистики Великой армии (с. 72).

«Напротив, русским офицерам, согласно указу Александра I, разрешалось иметь лишь строго ограниченное число повозок: 4 для командующего армией, какими были Кутузов, Барклай и Багратион, 3 – для генерал-аншефа, 2 – для генерал-лейтенанта и 1 – для шефа полка. Нижестоящим офицерам, сколько бы имущества у них ни было, запрещалось иметь повозки: кавалеристам приходилось довольствоваться седельной сумой, пехотинцам – ранцем. Проигрывая в комфорте, русская армия выиграла в мобильности и маневренности» (с. 72–73).

Для транспортировки припасов, а также для кавалерии и артиллерии решающее значение имело качество и количество конского состава. При переходе через Неман Великая армия имела 160 тыс. лошадей, мулов и

ослов. Всю эту массу животных надо было регулярно кормить, для чего ежедневно требовалось 900 т овса. Поскольку регулярную доставку его в войска интендантская служба во время быстрого наступления организовать не смогла, лошадям приходилось довольствоваться подножным кормом и соломой. Этого им при высоких физических нагрузках было недостаточно, и, как неоднократно отмечается в книге, с самого начала похода Великая армия теряла конский состав в массовом порядке. С наступлением зимы ситуация усугубилась еще и тем, что французская армия не имела с собой подков, предназначенных для этого времени года, из-за чего гололедица окончательно добила французскую кавалерию (с. 73).

Таким образом, М.-П. Рей показывает, что предпосылки для последующей трагедии были заложены еще при подготовке «русской кампании». Стратегический план Наполеона мог сработать только при одном условии – если бы противник стал покорно дожидаться в приграничье, пока его раздавит Великая армия, имевшая над ним подавляющий численный перевес. При перенесении же театра военных действий вглубь России и затяжке кампании до холодов французы и их союзники неизбежно должны были столкнуться с серьезными перебоями в снабжении и большим количеством небоевых потерь.

Имел ли Наполеон основания надеяться на то, что русские окажут ему такую «любезность», дав безнадежное для себя сражение у границы и позволив ему завершить войну быстрой победой? Наверное, имел. Однако поступали к нему сигналы и о том, что неприятель может избрать другой вариант действий. На прощальной аудиенции, которую Александр I в мае 1811 г. дал отъезжавшему на родину французскому послу А.О.Л. Коленкуру, царь так оценил возможное развитие событий в случае военного конфликта между Россией и Францией:

«Если император Наполеон начнет со мной войну, то, возможно и даже скорей всего, он разобьет нас, ежели мы примем сражение. Но это не принесет ему мира. Испанцы часто терпели поражения, но не были ни побеждены, ни покорены. И это при том, что они не столь далеко, как мы, находятся от Парижа. И у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов.

<...> Французы храбры, но продолжительные лишения и плохой климат их утомляют и обескураживают. Наш климат, наша зима будут вести войну за нас» (с. 42).

Генерал-адъютант Наполеона граф Л.М.Ж.А. Нарбонн, побывавший весной 1812 г. в русской штаб-квартире под Вильно, также сообщил о

том, что царь вынашивает идею вести затяжную войну, уклоняясь от генерального сражения:

«...Он [Нарбонн] не обнаружил у русских ни подавленности, ни самоуверенности. Из всего сказанного ему их императором следует, что они предпочитают войну позорному миру, что они будут воздерживаться от сражения со столь мощным противником и, наконец, что они готовы на любые жертвы, дабы затянуть войну и победить Наполеона» (с. 52).

О.В. Соколов, правда, высказывает вполне резонное соображение, что это Сегюр, из чьих мемуаров мы знаем о процитированных выше словах Нарбонна, придал им уже задним числом столь четкую форму предсказания будущих событий. Однако мнение, высказанное Нарбонном в письме маршалу Даву по горячим следам своей поездки в Вильну, о том, что царь «напускает на себя вид», будто готов «сражаться, если придется, хоть в Татарии»¹³, все же свидетельствует, что Александр I действительно не делал секрета из своего намерения при необходимости использовать против неприятеля фактор бескрайних российских просторов. Да и зачем делать секрет из того, что само бросается в глаза при взгляде на географическую карту России?

В общем, слово было сказано, но не услышано. Император француз знал, что царь далеко не чужд идее ведения против него «скифской войны», и тем не менее привел в действие план, рассчитанный исключительно на быструю победу. Он, как показывает М.-П. Рей, вступил в кампанию, обещавшую быть самой трудной в его жизни, не подготовив в достаточной степени к ней свои войска в материальном отношении. Его план нес в себе изрядный заряд авантюризма, за который сотни тысяч солдат и офицеров Великой армии в дальнейшем заплатили своими жизнями.

Продемонстрировав таким образом в первых главах книги, что уже сам по себе план Наполеона и выполненная в соответствии с ним материальная подготовка Великой армии к предстоявшей кампании таили в себе потенциальную возможность будущей трагедии, автор далее раскрывает, как по ходу событий эта трагедия из вероятной превращалась в реальную. Рассказ о военных действиях служит французской исследовательнице своего рода рамкой для постепенно разворачивающейся перед взором читателя величественной и впечатляюще мрачной картины.

¹³ Подробнее см.: Соколов О.В. Указ. соч. Гл. 12.

Стремительно переправившись через Неман, Великая армия не встретила неприятеля, организованно отступившего вглубь страны. Единственным, но весьма серьезным ее противником в первые недели войны стали крайности континентального климата. Лето выдалось беспрецедентно жарким, и уже к моменту вступления наполеоновских войск на территорию Российской империи число заболевших в их рядах достигло 60 тыс. чел. (с. 85). Частые грозы, нередко сопровождавшиеся градом, не только не облегчали, но, напротив, усугубляли ситуацию: только одна из них, случившаяся в ночь на 27 июня (н. ст.), стоила частям И. Мюрата гибели 8 тыс. лошадей (с. 111).

С началом ускоренных маршей в попытке настичь ускользящего неприятеля началась неразбериха со снабжением. И если солдаты в первое время еще могли продержаться за счет имевшихся у них запасов (каждый нес с собой 10 кг муки, риса и сухарей (с. 70), то лошадей приходилось кормить незрелым хлебом с полей, из-за чего начался массовый падеж конского состава (с. 86–87). В поисках пропитания солдаты грабили местных жителей даже на территории Литвы, население которой Наполеон рассматривал как потенциальных союзников. В первые недели кампании число мародеров, покинувших свои части, доходило в Великой армии до 30 тыс. (с. 111), к моменту ее вступления в Витебск – до 50 тыс. (с. 123).

Избранная русскими стратегия – заставить воевать за себя климат и пространства – на удивление быстро доказала свою эффективность: уже к Витебску из 423 тыс. военнослужащих Великой армии, перешедших через Неман, в строю осталось лишь 235 тыс. Причем боевые потери составляли меньшую часть выбывших – 15 тыс. раненых (число убитых, вероятно, было, как обычно, поменьше, но сопоставимо с числом раненых), остальные же солдаты выбыли из строя, не выдержав изнурительных маршей по жаре, из-за постоянного недоедания и дизентерии, либо прибились к шайкам мародеров.

Не менее, а может и более тяжкие последствия имела гибель к этому моменту уже половины конского состава Великой армии, что еще больше осложняло ситуацию со снабжением войск (с. 123–124). Еще до сражения при Бородино наполеоновские солдаты начали есть конину из-за невозможности добыть себе другой провиант (с. 143). Сокращение числа лошадей вело к ослаблению французской кавалерии, которая уже не могла эффективно прикрывать фуражиров от нападений казаков, что еще больше затрудняло снабжение Великой армии (с. 144–145). В этом заколдованном круге одна беда влекла за собой другую.

По мере активизации боевых действий армия Наполеона несла все более тяжелые потери убитыми и ранеными, причем последние из-за слабой организации военно-медицинской службы в большинстве своем тоже попадали в безвозвратные потери, поскольку при невозможности оказать им необходимую медицинскую помощь, на что жаловались сами французские врачи, ампутация конечности нередко оказывалась единственным средством спасти раненому жизнь (с. 136). Так, за сутки после Бородинского сражения один только Ларрей, главный хирург Великой армии, произвел около 200 ампутаций, то есть примерно по одной в каждые семь минут (с. 163).

Необходимость выделять все больше войск для прикрытия непрерывно удлинявшейся линии коммуникаций также сокращала численность Великой армии. В Смоленске она насчитывала 160 тыс. чел., под Бородино – 140 тыс. (с. 152). Когда Наполеон покинул Москву, его армия уже уступала русским войскам по численности: 110 тыс. против 130 тыс. (с. 196).

Промахи Наполеона в подготовке кампании стали еще более очевидны в период его отступления из Москвы, особенно после того, как в начале ноября ударил мороз. Не имея теплой формы, облаченные во что попало, толпы солдат и офицеров в беспорядке брели на запад по запруженным повозками дорогам, заснеженные обочины которых были усеяны трупами павших лошадей. Не буду пересказывать приведенные в книге М.-П. Рей многочисленные свидетельства очевидцев катастрофического отступления французов от Москвы к западной границе России – их слишком много. Прочитую лишь одно из них, фактически резюмирующее и подтверждающее все то, что ранее здесь было сказано о качестве подготовки Великой армии к «русской кампании»:

«Мало-по-малу дорога, запруженная лошадьми и повозками, становилась все более труднопроходимой и скользкой, как при гололедице. На этой широте дела обстоят подобным образом на протяжении почти пяти месяцев. Русские всегда готовы к такой перемене. Лошадей у них заранее перековывают по-зимнему. Повозки ставятся на полозья, также как и орудия артиллерийского парка. У казаков также имеются легкие пушки на лафетах с полозьями. Во французской армии, напротив, ничего не было подготовлено заранее. Лошади, не имея зимних подков, скользили при малейшем движении, изнурили себя в бесплодных усилиях и падали на каждом шагу. Большая часть того, что еще оставалось от кавалерии, ока-

залась немедленно потеряна. Пришлось также бросить много артиллерии и обозов» (с. 233–234).

Я столь подробно остановился на освещении в монографии М.-П. Рей роли географического фактора вовсе не потому, что автор считает «генерала Зиму» главным творцом победы России в войне 1812 г. Отнюдь. Читатель найдет в книге и описания сражений, в которых обе стороны проявляли незаурядную доблесть, и рассказ о титанических усилиях правительства Александра I по мобилизации ресурсов страны для будущей победы, в частности – по завоеванию поддержки российского общественного мнения, и анализ дипломатического контекста противоборства двух империй.

При этом в отличие от традиционной для национальных историографий трактовки военных действий с позиции «своих», автор книги и не «за французов», и не «за русских». М.-П. Рей предлагает многогранную и равноудаленную от всех сторон интерпретацию той войны как чудовищной трагедии участвовавших в ней народов, в чем, я считаю, и состоит одна из характерных черт формирующейся сегодня *общемировой* историографии этого события.

И все же я не случайно акцентировал внимание на географическом аспекте той кампании, столь подробно проанализированном в монографии М.-П. Рей. Роль, отведенная ему в стратегических замыслах противоборствующих сторон, позволяет нам оценить подобные замыслы и сравнить их качество. Нет ничего зазорного в признании того, что победу русским помог одержать «генерал Зима». Его приход «на помощь» русской армии сознательно принимался в расчет Александром I и Барклаем при выборе наиболее оптимальной стратегии ведения войны против лучшего полководца того времени, имевшего в своем распоряжении ресурсы практически всей Европы. Важно было только продержаться до подхода этого «подкрепления», в чем и должны были помочь бескрайние просторы России. Способность нивелировать подавляющее численное превосходство противника умелым использованием ландшафта и природных факторов во все времена свидетельствовала о мудрости полководцев. И хотя подобный замысел не был облечен в чеканную форму военного плана, а конкретные способы его осуществления во многом определялись ситуацией, в конечном счете он оказался наиболее оптимальным и увенчался блестящим успехом.

Напротив, император французов, составляя стратегический план кампании против России, похоже, не придавал должного значения географи-

ческому фактору, «забыв» о том, что ее пространства дают возможность более слабому противнику достаточно долго уклоняться от опасного для него генерального сражения, об относительно низкой плотности ее населения, затрудняющей снабжение большой армии за счет местных ресурсов, и, наконец, о том, что зимы в России нередко ранние и почти всегда морозные. Подобное планирование «русской кампании» обернулось для французского императора «русской рулеткой».

В заключение вернемся к тому, с чего начали – к теме «глобализации» историографии войны 1812 г. Уверен, что развитие и упрочение этой недавно наметившейся тенденции сулит крах многим легендам, созданным в свое время национальными историографиями. И весьма символично, что одной из первых такую судьбу испытала «наполеоновская легенда», рассыпающаяся, как мне кажется, под пером Мари-Пьер Рей, словно карточный домик.